JEL: E61, E20, H50, O10
УДК 338+332

<https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.1.007-017>

Стратегии для России и в России

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович

академик РАН, доктор экономических наук, профессор
научный руководитель

Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск,
680042, Российская Федерация

E-mail: minakir@ecrin.ru

ORCID: 0000-0002-5451-5662

Аннотация. 100-летие разработки и утверждения плана электрификации России (плана ГОЭЛРО) используется в статье как повод для обсуждения роли стратегического планирования в определении экономических судеб страны. Еще одним поводом, конечно, стали затяжной экономический кризис российской экономики и невозможность вырваться из его «объятий», несмотря на постоянно нарастающее количество разрабатываемых в России стратегий, программ, проектов. Во всем этом множестве, которое охватывает далеко не только последние годы, но длительный период после середины 1980-х гг., в статье предлагается выделить всего три действительно стратегических пункта, которые знаменовали относительно краткие интервалы времени, в течение которых приходилось принимать принципиально важные для магистрального развития страны в последующие годы решения. Именно эти решения, относящиеся к началу 1920-х, 1950-х и 1990-х гг., собственно и предлагается считать стратегиями развития (стратегии 1.0, 2.0, 3.0 соответственно). Сравнительный анализ особенностей и условий (внутренних и внешних), при которых разрабатывались и реализовывались эти стратегии, позволил автору разграничить первые две стратегии и стратегию 1990-х гг., а также сформулировать требования к новой стратегии (4.0). Эта новая стратегия настоятельно необходима не просто для восстановления экономической динамики, но и должна позволить сконструировать экономику, обеспечивающую России роль одного из лидирующих глобальных экономических субъектов, способных не только к эндогенному экономическому росту, но и к эффективному социальному развитию. В этой связи приводятся некоторые соображения по поводу недавно опубликованного программного доклада о стратегических началах развития российской экономики, который хотя формально и не является долгосрочной стратегией экономического развития, но был воспринят в экспертной среде и в медиа именно как стратегия определенного «разворота» российской экономики.

Ключевые слова: стратегия, план ГОЭЛРО, экономическое развитие, цели общественного развития, Россия

Для цитирования: Минакир П.А. Стратегии для России и в России // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 1. С. 7–17. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.1.007-017>

Strategies for Russia and Russia

P.A. Minakir

Pavel Aleksandrovich Minakir

Academician RAS, Doctor of Economics, Professor

Research Supervisor

Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russian Federation

E-mail: minakir@ecrin.ru

ORCID: 0000-0002-5451-5662

Abstract. In this article we use the 100th anniversary of the development and approval of the GOELRO plan, the plan to electrify Russia (State Commission for the Electrification of Russia), as a cause to discuss the role of strategic planning in determining the economic destiny of our nation. Another reason for this is, of course, the lingering economic crisis in Russia and the inability to escape its grasp despite the growing number of strategies, programs, and projects being developed in Russia. The article suggests picking three points in time that were truly important for making fundamental decisions concerning the main development of the country for the subsequent years. The article proposes to consider these decisions, dating back to the early 1920-s, 1950-s, 1990-s, development strategies (strategies 1.0, 2.0, and 3.0 respectively). The comparative analysis of their specific features, and conditions (internal and external) under which the strategies were developed and implemented, allowed the author to draw a line between first two strategies and the 1990-s strategy, and to formulate requirements for a new strategy (4.0). This new strategy is urgently needed not only for the economic recovery, but for constructing the economy that would make Russia one of the leading global economies. It should not only be able to provide the economy with opportunities for endogenous growth, but also for effective social development. In this regard, some thoughts are given on the recently published policy report on the strategic basis of the Russian economy development. The report is not, technically, a long-term economic development strategy, but by the expert community and the media it is perceived as a strategy for a certain 'U-turn' of the Russian economy.

Keywords: strategy, plan, GOELRO plan, economic development, social development goals, Russia

For citation: Minakir P.A. Strategies for Russia and Russia. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2021, vol. 17, no. 1, pp. 7–17. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.1.007-017> (In Russian).

22 декабря 1920 г. был представлен 8-му Всероссийскому съезду Советов и одобрен, а 21 декабря 1921 г. утвержден для исполнения Советом народных комиссаров план Государственной комиссии по электрификации России (план ГОЭЛРО), ставший по существу важнейшим инструментом реализации стратегии индустриализации экономики России (Энергетика..., 2006) – первой стратегии (стратегии 1.0) развития национального хозяйства в послереволюционную эпоху.

План ГОЭЛРО имел два важных аспекта с точки зрения общественного развития. Во-первых, он представлял собой инструмент технологического

обеспечения индустриальных технологий и роста производительности труда во всех отраслях народного хозяйства. Во-вторых, он задавал пространственную матрицу для развития производительных сил. Это последнее имело чрезвычайно важное последствие для развития научных основ и схем размещения и организации будущего индустриального комплекса. Идеи, заложенные этим планом, через некоторое время привели к расцвету теоретических и экспериментальных концепций пространственной организации советской и российской экономики. Именно в плане ГОЭЛРО, точнее, в идеях, положенных в его основу, легко увидеть предтечу энергопроизводственных циклов Колосовского и территориально-производственных комплексов Бандмана.

Дальнейшая реализация стратегии 1.0 происходила в рамках пятилетних планов, реализующих основную задачу стратегии.

В последнее время термины «планирование» и «стратегия» употребляются столь же часто, сколь и независимо от их реального содержания. От частого употребления эти термины теряют смысл и их использование становится одним из бессмысленных, а иногда и раздражающих ритуалов. Впрочем, сами термины в этом не виноваты. Изначально они лишь являются вербальным отражением содержательных решений и действий, направленных на достижение определенных результатов. Превращаясь в ритуалы, термины начинают «жить» сами по себе, совершенно зачастую без связи с тем содержанием, ради которого они собственно и были сконструированы. Стратегия или выбор пути (способа) – важнейшая часть будущего, его доминанта. Именно стратегия определяет, каким будет это будущее. Ибо стратегия формирует средства преобразования цели в результат. А как известно, цели не могут быть достигнуты любыми средствами. Средства сами определяют результат, негодные средства извращают результат и делают его совершенно неузнаваемым.

Новые цели появляются нечасто, это происходит тогда, когда движение общества либо заходит в абсолютный тупик, либо же отдача усилий, принимаемых для дальнейшего движения, стремится к нулю. В последние 100 лет Россия (и СССР) трижды сталкивалась с необходимостью принять действительно стратегическое решение по изменению сложившегося положения вещей. Впервые это произошло в начале 1920-х гг., и план ГОЭЛРО знаменовал собой активацию, как отмечалось, первой стратегии. И успехи, и неудачи реализации этой стратегии, стратегии 1.0, послужили уроками, пренебрежение или невозможность учесть которые стали причинами многих проблем в дальнейшем. Таких уроков три.

Первый урок заключается в том, что была сформулирована единая и очень конкретная цель, которую предполагалось достичь, эта цель легко и понятно формулировалась, столь же легко и понятно ее параметры могли

быть измерены, несмотря на масштабность самой задачи. Такими параметрами являлись создание конкретных производств, обеспечение выпуска конкретного ассортимента промышленной продукции, распределение этого выпуска и этого ассортимента в конкретных точках пространства в соответствии с определенными, и тоже количественно определяемыми, правилами.

Второй урок сводится к тому, что как выбор стратегии, так и возможность ее реализации не являлись чисто экономическим феноменом. Индустриализация вообще не могла бы быть успешно реализована без предельно четкой конкретизации и упрощения задачи. Конкретные формы индустриализации, то есть конкретной стратегией было выбрано развитие первичного, пользуясь современной терминологией, иначе говоря, тяжелой промышленности или производства средств производства в марксистской терминологии. Это был не очевидный с экономической точки зрения выбор, но единственно возможный в тех конкретных историко-политических реалиях, которые сложились к концу 1920-х гг., и с учетом тех идеологических догматов, которые сложились и оформлялись в качестве долговременных геополитических констант. Будущее размещение индустриального комплекса также доминировало не только и не столько экономическими критериями и моделями. И здесь огромную роль в выборе конкретных мест размещения и районов концентрации промышленности играли соображения идеологические и заблуждения политические (развитие национальных окраин, форсированное создание пролетариата, уменьшение уязвимости промышленного комплекса в случае вероятной войны и т. д.).

Третьим уроком является то, что в отсутствие реальных материальных, финансовых, технологических и кадрово-управленческих ресурсов реализация стратегии ускоренной индустриализации стала возможной в значительной степени благодаря удачному стечению внешних обстоятельств, имея в виду разразившийся в конце 1920-х гг. мировой экономический кризис. Повсеместное обрушение рыночного спроса и обесценение капитальных стоимостей привели к перетоку технологических и товарно-материальных ресурсов, сопровождавшихся не находящими себе применения на западных рынках капиталами в экономику Советского Союза, которая превратилась неожиданно в финансово-экономический оазис глобального масштаба. Выгоды работы в этом оазисе на время затмили идеологическое неприятие и экзистенциальный характер угрозы, которая до этого препятствовала каким-либо экономическим взаимодействиям.

Эти три урока являются важнейшим условием для понимания того, что в настоящее время происходит как с экономикой России вообще, так и с «ритуальными танцами» по поводу многочисленных стратегий и концепций развития, прорыва, модернизации и пр.

В начале 1950-х гг. после наступления атомной эры страна опять столкнулась с проблемой стратегического выбора, когда необходимо было перевести экономику страны из режима первичной индустриализации, то есть индустриализации простой и ограниченной тяжелой промышленностью, в режим индустриализации, основанной на максимальном разнообразии и глубоком разделении труда. Создание ядерного оружия и средств его доставки предполагало конструирование нового контура индустрии, переход от простой экономики к экономике технологически сложной (развитие химической промышленности, энергетики, высокоэнергетического машиностроения, создание новых материалов, авиационная промышленность, ракетостроение, приборостроение, электронное машиностроение и пр.).

Эта стратегия, стратегия 2.0, притом, что она была более сложной с точки зрения элементов, взаимодействий, масштаба и качества ресурсов, тем не менее также концентрировалась на простых по структуре и технологически ясных и хорошо измеримых параметрах (ассортимент продукции, масштабы выпуска, технические характеристики, производственная кооперация). Важным ее достоинством являлось то, что она опиралась на огромный потенциал в виде ресурсов, организационного опыта, кадрово-управленческих компетенций, образовавшихся в ходе реализации первой стратегии. Стратегия 2.0 являлась не стратегией «зачистки» и создания нового экономического, а тем более общественно-политического ландшафта, но представляла собой развитие уже созданной, но ставшей недостаточной и потому превратившейся в тормоз, общественной экономики.

Реализация этой стратегии происходила в совершенно иных по сравнению с 1930-ми гг. условиях. Весь остальной мир бурно развивался и, кроме того, разделился на два враждующих лагеря, что почти исключало повторение «фокуса» 1930-х гг., когда ресурсы развитых стран удалось привлечь для индустриализации страны, что в совокупности с эксплуатацией изобильной и дешевой рабочей силы обеспечило беспрецедентный для того периода промышленный рывок. Кстати, по такой же схеме был осуществлен экономический рывок в странах Восточной Европы и в Китае после Второй мировой войны, с той только разницей, что донором для них (финансовым, технологическим, интеллектуальным) являлся теперь уже сам Советский Союз. Однако невозможность повторить для самого СССР вышеупомянутый «фокус» в значительной степени компенсировалась как раз созданными в ходе индустриализации 1.0 возможностями и ресурсами.

Стратегия 2.0 была в целом удачно реализована, за исключением финансово-технологического трека, отставание в развитии которого стало скрытой, но фатальной причиной всех дальнейших неудач и ограничений. Относительная неудача в этом направлении объективно была связана с не-

возможностью, а вероятно и с непониманием необходимости учета третьего урока, который упомянут выше. Некоторые усилия в этом направлении, которые начали предприниматься в 1970–1980-х гг., оказались, во-первых, запоздалыми, а во-вторых, так и не преодолели системного непонимания необходимости в информационно-технологическую эпоху перейти с платформы экономико-идеологической конфронтации на платформу экономико-технологического сотрудничества. Конечно, осознание этого факта было объективно трудным, причем для обеих сторон.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. Россия (СССР) должна была ответить на очередной глобальный стратегический вызов. У России не нашлось адекватного ответа, что, правда, совершенно не предопределяло той апокалипсической стратегии, которой стала стратегия 3.0. Буквально трактуя третий урок стратегии 1.0, конструкторы новой стратегии, стратегии 3.0, совершенно опустили два первых урока. В 1990-е гг. была практически полностью разрушена не только институциональная, но и материально-техническая и финансовая структуры российской экономики, что означало потерю накопленного материально-технического и технологического потенциалов, а соответственно и ресурсной базы, которая могла бы быть использована для модернизации экономики, что и составляло существо новой стратегии.

Фактически вместо стратегии перестраивания и достраивания экономики с использованием и на основе новой модели производственных отношений (что осуществлялось, например, в Китае) начала реализовываться стратегия перевода экономики страны из формата промышленного капитала в формат торгового капитала. Как известно, современные социально-экономические системы прошли путь в новейшее время, который можно охарактеризовать в самом общем виде как переход в рамках цепочки «торговый капитал – промышленный капитал – промышленно-финансовый капитал – финансово-технологический капитал». В соответствии с этой логикой содержанием стратегии 3.0 для России в 1990-е гг. должно было бы стать преобразование экономики в состояние «промышленно-финансового капитализма» с сохранением всех тех преимуществ социального характера, которые были достигнуты в ходе предшествовавшего промышленного развития. Однако реальным содержанием стратегии 3.0 стало движение вспять от преимущественно промышленного к преимущественно торговому капиталу.

В это же время происходило достраивание для ряда стран их торговых платформ развития за счет достраивания промышленных кластеров. Примером такого типа развития является Турция, тогда как в Китае и ряде стран Восточной и Юго-Восточной Азии происходил ускоренный переход к промышленному и торгово-промышленному форматам построения экономик.

Стратегия 3.0 предопределила быстрое превращение российской экономики в торгово-финансовое предприятие, обреченное на технологическую зависимость от мировой экономической системы, частью которой Россия потеряла возможность стать, разрушив собственную промышленно-технологическую базу. Такое состояние российской экономики предопределяет ее предельную уязвимость от экономических, финансовых и технологических внешних шоков. В полной мере это проявилось уже в 2010-х гг., свидетельством чего являются потери в результате системных санкций со стороны стран, образующих финансово-технологический пул в современной экономике.

Попытки разработать и реализовать стратегию 4.0, которая бы дала шанс не только элиминировать разрушительные последствия стратегии 3.0, но и позволила бы сконструировать экономику, обеспечивающую роль одного из лидирующих глобальных экономических субъектов, способных к эндогенному экономическому росту и эффективному социальному развитию, начали еще в первом десятилетии нового века. Появилась целая россыпь «стратегий, программ, концепций» предельно общего декларативного характера или направленных на отдельные товарные, спросовые, социальные ниши и проблемы, многочисленные программы «оздоровления» экономики. Однако дальше слоганов (модернизация, реструктуризация, кластеризация, инновационность и т. п.) продвинуться не удалось. Фактически двадцать лет прошли под знаком построения идеальной стратегии развития экономики, гарантирующей «прорыв» в области стабильного экономического роста. Выработалось устойчивое убеждение в том, что секрет успеха в экономике кроется просто в хороших стратегиях, а все провалы в экономике, наоборот, связаны с неудачными построениями стратегических проектов. В связи с этим разработка стратегии стала практически самоцелью как для управленческих элит, так и для обслуживающих их многочисленных экспертов, экспертных групп, научных организаций. Лавина стратегий и программ накрыла не только управленческую элиту, но проникла в сознание всего общества как панацея при решении всех проблем.

Все эти стратегии и программы остались и продолжают оставаться не более чем политическими ритуалами, в лучшем случае предназначенными для решения частных задач в рамках ограниченных ресурсов, не затрагивая общую платформу организации финансово-экономического и технологического базиса.

Не оправдались и надежды на то, что «невидимая рука рынка» через коррекцию поведения экономических агентов сама сможет очертить оптимальную траекторию экономического развития. Такие надежды и не могли оправдаться. Ведь даже в предположении, что поведение экономических агентов сугубо рационально, оно определяется их индивидуальными ры-

ночными стратегиями, которые согласовываются лишь с конкурирующими стратегиями других агентов на соответствующем отраслевом рынке, что продиктовано стремлением к поддержанию равновесия по Курно – Бертрону. Для того чтобы стратегии индивидуальных агентов «работали» на национальную стратегию экономического развития, последняя должна, по крайней мере, совершенно определенным образом стимулировать основные поведенческие стимулы экономических агентов, то есть должна быть избавлена от аморфности и неопределенности, прежде всего, в области целеполагания и ресурсов.

Именно с неопределенностью общенациональных стратегий и региональных, на которые возлагаются такие большие надежды, связана главная проблема, так как практически невозможно в явном виде определить цель (цели), способы достижения которых являются стратегией. Явной формализации при образовании масштабов и распределении общесистемных ресурсов таких результатов, как «высокое качество жизни», «определенные темпы роста», «динамика производительности труда», «улучшение демографических показателей», «улучшение инвестиционного климата» и т. п. практически не существует. Во-первых, они подлежат чрезвычайно сильной многоуровневой декомпозиции, в ходе которой обнаруживается, что единой стратегии достижения, скорее всего, не существует, а есть некая комбинация пересекающихся и конкурирующих стратегий конкретных экономических, социальных и прочих субъектов общественного процесса. Во-вторых, экономические цели сами по себе являются лишь фрагментами синтетических целей общественного прогресса, которые по отношению к экономическим целям, очевидно, выступают в виде своеобразных метациелей. Невозможность сформулировать в явном виде синтетические цели трансформируется в отсутствие реального рационального выбора. Соответственно, стратегии трансформируются в некий набор инструментов для манипулирования макроэкономическими ресурсами. Но предположение о том, что макроэкономические индикаторы сами по себе являются достаточным основанием для решения накопившихся и умножающихся проблем социального самочувствия и экономической активности, вряд ли можно принять в качестве аксиомы. Более того, сложность и неоднозначность мотивации в обществе свидетельствуют об отсутствии доказательства этого тезиса, не жели о его аксиоматичности. Таким образом, ресурсная матрица становится неопределенной на национальном уровне и формируется не стратегическими целями, а тактическими возможностями. В свою очередь, мотивационная матрица характеризуется крайней нестабильностью, что исключает формирование устойчивого отклика экономических агентов. Не меньшей, а даже большей степенью неопределенности характеризуются региональные

стратегии, в особенности общенациональная стратегия пространственного развития (Зубаревич, 2019; Минакир, 2018а; Стратегия..., 2020).

Следовательно, любые попытки представить стратегию 4.0, действительно выводящую в прорыв экономику страны, окажутся безрезультатными, если целевая область такой стратегии будет по-прежнему представлять собой аморфный набор производных показателей, иллюстрирующих макроэкономическую комбинацию случайным образом полученных дезориентированными неопределенностью стратегических метацелей экономических агентов.

Эти, казалось бы, отвлеченные теоретические рассуждения уместно привести в связи с недавней публикацией программного доклада о стратегических началах развития российской экономики (Аганбегян и др., 2021). Хотя этот доклад по существу не является долгосрочной стратегией экономического развития, представляя лишь некоторое обобщенное видение авторов о возможных вариантах преодоления затяжного экономического кризиса российской экономики (Минакир, 2018b; Аганбегян и др., 2020), усугубленного пандемией 2019 г., в экспертной среде и в медиа он был воспринят именно как стратегия определенного «разворота» российской экономики.

В ходе обсуждения этого доклада (часто весьма эмоционального) уже высказано и, вероятно, будет еще высказано множество критических суждений (Десягин, 2021), и причин для этого хватает. Декларативные и явно основанные лишь на модельных симуляциях предложения оставляют большой простор, как для развития, так и для критики оных. Таковы предложения в области налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой, инвестиционной, структурной, социальной, региональной политики – практически по всему спектру общественно-экономической жизни (Аганбегян и др., 2021).

Но главной проблемой является то, что доклад воспроизводит вышеотмеченный подход к построению стратегии – неопределенность целей, способы достижения которых собственно и являются стратегией. В очередной раз в виде конечной цели провозглашается достижение предельно абстрактного показателя – темпа роста ВВП, который интегрирует колоссальное количество вариантов, форм, механизмов, ресурсных и институциональных решений. Экономика, следовательно, по-прежнему предстает «черным ящиком», в недрах которого таинственным образом желания и заимствованные аналоги преобразуются в агрегатные статистические показатели.

Конечно, преобразование в определенные и статистически приятные глазу показатели может произойти. Теории вероятностей это не противоречит. Но будет ли это действительно замышляемым «стратегическим разворотом»? Получится ли наконец-то стратегия 4.0 или продолжится таинственное функционирование «черного ящика», загадочные эволюции внутри которого будут происходить немного более высоким темпом?

Не противоречит теории экономической динамики и утверждение о том, что нужно увеличивать норму накопления. Но, как известно, дьявол кроется в деталях. Опустим обсуждение того, насколько рациональны предложения об источниках увеличения этой нормы. Но никак нельзя отвлечься от ответа на главный вопрос – на что направлено накопление? Что строится, что развивается, какие сферы, отрасли, производства инвестируются? Каков образ экономической структуры, которую нужно построить в результате бурной инвестиционной деятельности? Что производить, как производить, для кого производить? На эти вопросы были ответы в стратегиях 1.0 и 2.0. Отвечать на них демонстративно отказались конструкторы стратегии 3.0. Имеем то, что получили в результате этого отказа. Выше уже говорилось, что отсылки к «невидимой руке рынка» или «креативности экономических агентов» наивны. Велика угроза того, что затраты будут произведены и даже некоторая отдача в виде темпов роста ВДС будет наблюдаться (в течение некоторого времени), а «разворота» и создания новой экономики не случится.

Точно так же от простого увеличения в любое количество раз затрат на здравоохранение или науку без кардинального изменения иерархии целей общественного развития, фронтального развития совершенно определенных производств, создания строго адаптированных к целям механизмов ни здравоохранение, ни наука существенно не изменятся. Простое изменение структурных пропорций само по себе не есть развитие. Сколь угодно много можно направлять денег в науку, но если критерием успеха по-прежнему будет не гносеологически-технологический результат, а количество опубликованного мусора, если высшим достижением реформаторской мысли останется переход к сдельной оплате труда ученых, медиков, педагогов и других «работников сферы услуг», никакого прорыва ни в одном направлении не случится, сколько бы красивых лозунгов и убедительных аналитических и рекомендательных докладов ни появлялось.

Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, поучает философия. Действительно, вода каждый раз другая, но правила входа в реку остаются все теми же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аганбегян А.Г., Клепач А.Н., Порфирьев Б.Н., Узиков М.Н., Широков А.А. Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию // Проблемы прогнозирования. 2020а. № 6 (183). С. 18–26.
- Аганбегян А.Г., Порфирьев Б.Н., Широков А.А. О преодолении текущего кризиса и путях развития экономики России / Вольное экономическое общество России. 2020б. 18 с. URL: http://www.veorus.ru/доп-материалы/Доклад_ВЭО_России.pdf (дата обращения: февраль 2021).
- Делягин М. Благими намерениями вымощена дорога в РАН: вслед за либералами с реальностью прощаются академики // Делягин.ру. 2021. 3 февраля. URL: <https://>

delyagin.ru/articles/183-sobytiya/88281-blagimi-namerenijami-vymoshhena-doroga-v-ran-vsled-za-liberalami-s-real-nost-ju-proshhajutsja-akademiki (дата обращения: февраль 2021).

Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>

Минакир П.А. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. 2018a. № 4. С. 8–20. <https://doi.org/10.14530/se.2018.4.008-020>

Минакир П.А. Российский кризис: ожидания против фактов // Пространственная экономика. 2018b. № 1. С. 7–15. <https://doi.org/10.14530/se.2018.1.007-015>

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р // <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JJAe7irNxc.pdf> (дата обращения: ноябрь 2020).

Энергетика России (1920–2020 гг.). Том 1. План ГОЭЛРО. М.: ИД Энергия, 2006. 1067 с.

REFERENCES

Aganbegyan A.G., Klepach A.N., Porfirev B.N., Uzyakov M.N., Shirov A.A. Post-Pandemic Recovery: The Russian Economy and the Transition to Sustainable Social and Economic Development. *Problemy Prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*, 2020, no. 31, pp. 599–605. (In Russian).

Aganbegyan A.G., Porfirev B.N., Shirov A.A. *On Overcoming the Current Crisis and Ways to Developing the Russian Economy*. The Free Economic Society of Russia, 2020b, 18 p. Available at: http://www.veorus.ru/доп-материалы/Доклад_ВЭО_России.pdf (accessed February 2021). (In Russian).

Delyagin M. *The road to the Russian Academy of Sciences is Paved with Good Intentions: Following the Liberals, Academics Say Goodbye to Reality*. Delyagin.ru, 2021, February 3. Available at: <https://delyagin.ru/articles/183-sobytiya/88281-blagimi-namerenijami-vymoshhena-doroga-v-ran-vsled-za-liberalami-s-real-nost-ju-proshhajutsja-akademiki> (accessed February 2021). (In Russian).

Energy of Russia (1920–2020). Volume 1. GOELRO Plan. Moscow, 2006, 1067 p. (In Russian).

Minakir P.A. Spatial Development Strategy: A View from the Concepts of Spatial Organization in the Economy. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2018a, no. 4, pp. 8–20. <https://doi.org/10.14530/se.2018.4.008-020> (In Russian).

Minakir P.A. Russian Crisis: Expectations Against Facts. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2018b, no. 1, pp. 7–15. <https://doi.org/10.14530/se.2018.1.007-015> (In Russian).

Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2025: Decree of the Government of the Russian Federation No. 207-r of February 13, 2019. Available at: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JJAe7irNxc.pdf> (accessed November 2020). (In Russian).

Zubarevich N.V. Spatial Development Strategy: Priorities and Instruments. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues], 2019, no. 1, pp. 135–145. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145> (In Russian).

Поступила в редакцию / Submitted: 05.03.2021

Принята к публикации / Revised: 12.03.2021

Опубликована online / Published online: 30.03.2021